

В. П. АСТАФЬЕВ: PRO ET CONTRA

*Личность и идейно-художественное наследие
В. П. Астафьева
в оценках отечественных и зарубежных
исследователей*

Антология

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2024

Н. С. Цветова, П. А. Гончаров

**ВИКТОР АСТАФЬЕВ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ: ТЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

Виктор Петрович Астафьев (1924–2001) родился в крестьянской семье, в сибирской деревне Овсянка. После окончания 6-го класса средней школы в Игарке поступил в железнодорожную школу ФЗО. В 1942 году добровольцем ушел на фронт. После войны вместе с женой М. С. Корякиной жил в Чусовом и Перми. В 1961 году окончил Высшие литературные курсы и через несколько лет переехал в Вологду, где прожил до 1980-го, до момента возвращения на родину — в Красноярск, в Овсянку. При жизни русский писатель В. П. Астафьев был удостоен высокого признания: Герой Социалистического Труда, лауреат нескольких Государственных, многих российских и международных литературных премий, академик Академии творчества (Москва), кавалер нескольких орденов, делегат российских писательских съездов, международных форумов. Издавался почти на всех европейских языках: на немецком, польском, румынском, словацком, чешском, голландском, французском, финском... Театры ставили пьесы Астафьева, по его сценариям снимались фильмы...¹

Антологии «В. П. Астафьев: pro et contra» выходит в год столетнего юбилея писателя. Цель составителей — восстановить и представить основные этапы, направления научного осмысления и публицистической презентации творческой индивидуальности художника, существование которого в публичном коммуникативном пространстве, несмотря на широчайшую известность, никогда

¹ Сакова Н. Я. Основные даты жизни и творчества В. П. Астафьева // Дар слова. Виктор Петрович Астафьев. Библиографический указатель. Статьи. Иркутск: Изд-ль Сапронов, 2009. С. 9–32.

не было празднично-патетическим. Почти сразу же после окончания Высших литературных курсов при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве писатель-фронтовик погружается в трудную литературную жизнь, столичную и провинциальную. Во второй половине 1980-х годов с его именем связаны бурные дискуссии, стартовавшие после появления рассказа «Ловля пескарей в Грузии». Его имя — в центре шумного окололитературного скандала, организованного грузинскими писателями, демонстративно покинувшими зал писательского съезда. Скандал был масштабирован почти до космических пределов в связи с публикацией переписки с известным историком Н. Я. Эйдельманом.

На слиянии и осмыслении нескольких событийных потоков и формировался в течение нескольких десятилетий сложный, многоуровневый дискурс об Астафьеве, который можно представить как гипертекст, в составе которого разножанровые научные, литературно-критические и публицистические тексты.

Открывает антологию слово самого писателя: его автобиографические заметки, письма, публикация автобиографической рукописи, которой Астафьев сознательно завершал свою литературную биографию; текст знаменитого выступления в Останкино. Почему так? Ведь существует уже несколько литературных портретов Астафьева. Два биографических тома вышли в ЖЗЛ (Ю. А. Ростовцев, О. А. Нехаев). Опубликованы несколько энциклопедических томов, созданных Астафьевским центром при Красноярском государственном педагогическом университете им. В. П. Астафьева. Их авторы справедливо отмечают назревшую необходимость выявления особенностей творчества писателя, охватывающего жизнь страны на протяжении полувека и эволюционирующего вместе с общественно-историческим самосознанием общества. Действительно, в этой зоне полно лакун и неточностей. Не опубликована полностью автобиография, названная писателем «Расскажу о себе сам». Литературная критика так и не поднялась до выявления биографической основы ключевых глав «Царь-рыбы» («Бойе», «Сон о белых горах»), отдельных эпизодов «Последнего поклона», «Обертона». Никто еще не предложил убедительного ответа на целый ряд вопросов, важных для понимания характера творческой эволюции личности художника. Например, куда именно и с какой целью, при каких обстоятельствах во второй половине 1940-х годов уезжал из Чусового будущий писатель? Об этих отъездах упоминала М. С. Корякина-Астафьева, но детально их не комментировала. Важность детализации биографических сведений обусловлена необходимостью уточнения времени начала работы над тем или иным произведением. Хотя имеются и результативные попытки

в этом направлении. Например, разыскания В. А. Зубкова (Пермь), после кропотливой работы в архиве уточнившего дату рождения замысла повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка».

Второй раздел антологии — «Штрихи к автопортрету» содержит наиболее значительные фрагменты биографических изданий, литературных портретов, созданных в разное время журналистами, критиками, литературоведами, выполненных иногда в принципиально разных тональностях, даже если эти публикации и юбилейные (сравните статьи Т. А. Никоновой и Д. С. Дьякова).

Третий и четвертый разделы антологии посвящены мироощущению, аксиологии писателя, поэтике ключевых произведений, прежде всего ранних повестей — «Последнего поклона» и «Царь-рыбы», литературным связям. Объем литературно-критических и литературоведческих публикаций на эту тему огромен². Один том такое количество работ вместить не может, поэтому мы старались представить обобщающие либо эвристичные в момент публикации работы, в которых если не разворачивались, то мерцали продуктивные идеи, повлиявшие в той или иной степени на основные складывавшиеся десятилетиями интерпретационные подходы. Понятно, что именно в этом разделе можно легко обнаружить «зияния».

Так, несмотря на то что первый вариант прочтения астафьевской прозы предложил советский критик А. Н. Макаров, его работы в представленном собрании нет. Александр Николаевич Макаров открыл возможность наиболее оправданного для советского и постсоветского периодов этико-философского аналитического подхода к литературному тексту. Соотнося основные положения философской этики Канта и Гегеля со смысловой структурой первых повестей В. П. Астафьева, А. Н. Макаров обоснованно назвал Астафьева «моралистом», пишущим о душе. По сути, этико-философское содержание художественной прозы В. П. Астафьева, как и ряда значимых литературных произведений позапрошлого и прошлого столетий, касающихся сложных и противоречивых событий русской социальной истории, предлагалось считать проистекающим из самой сути литературного творчества. При развитии идеи А. Н. Макарова исследователи сосредоточились на поиске ответов на вопросы смежные: каково мировосприятие и мировоззрение В. П. Астафьева? Насколько выявленные характеристики устойчивы? Насколько они оказываются подвижными, динамичными? В антологию вошли работы, авторы которых формировали убежденность в том, что Астафьев

² См.: Дар слова. Виктор Петрович Астафьев. Библиографический указатель. Статьи. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2009.

достаточно устойчив в плане усвоенной им с крестьянского детства трудовой этики, ее принципов.

Рассказы 1950-х, роман «Тают снега», по мнению тех, кто шел за Макаровым, давали вроде бы однозначные ответы на многие эпохальные вопросы о войне и мире, о взаимоотношениях человека и природы: атеистические, характерные для официальной культуры того времени. Но уже повесть «Стародуб» заставляла критиков говорить о пантеистических мотивах и идеях, усилившихся в его творчестве 1960–1970-х годов. Хотя путь от обожествления природы к религиозному христианскому мирозерцанию занял у В. П. Астафьева всю жизнь, но критика стала писать об этом значительно позже³.

Позже был отрефлексирован критиками не менее важный вопрос: что в христианском вероучении становится для В. Астафьева наиболее близким, актуальным? Отмечалось, что в первой книге «Последнего поклона» для автора оказываются привлекательными идеи христианского прощения, возможности ответа добром на зло, незлобивости, идеи и мотивы, наиболее ярко реализованные в главе-рассказе «Юнь с розовой гривой» (1968). Еще позже в центре внимания критиков оказывается христианский мотив бессмертия добра, евангельский мотив чудесного спасения начинает восприниматься как сближение художественной философии Астафьева с христианским вероучением, «двигателем» этого сближения оказывается этика крестьянской семьи, во многом «обожевленный» писателем образ бабушки Катерины Петровны.

И только в новом столетии интерпретаторы сосредотачиваются на наиболее устойчивых из воспринятого Астафьевым христианства эсхатологических мотивах и идеях. Для понимания и истолкования специфики религиозности В. П. Астафьева актуализируется предельно важная в данном случае бердяевская мысль об апокалиптическом или нигилистическом характере «русского искания правды». Источником эсхатологических истолкований «Последнего поклона» с течением времени критика определяет бабушку героя-повествователя, указывая на двойственность ее характера. Отмечается, что в соответствии с тенденциозной партийной эстетикой олицетворяющая уходящий мир патриархальной деревни старуха мыслит в категориях апокалипсиса, но советский писатель по определению не должен транслировать мысли о безрадостном, трагическом окончании истории. Эта ситуация истолковывается

³ Золотухина О. Ю. Религиозный поиск В. П. Астафьева в контексте творческой эволюции писателя: Монография. Красноярск: ФГБОУ ВПО КГАМиТ, 2015.

как прямое указание на органику астафьевской эсхатологии, которая родом не столько из христианской и философской книжности, сколько из народно-христианских представлений⁴.

Следующий, философско-антропологический этап литературно-критического осмысления творчества Астафьева представлен в антологии работами, в которых предпринимаются попытки создания типологии астафьевских персонажей. И опять «зияние», почти нет первых работ о структуре национального характера (А. А. Павловский, А. О. Большев, О. В. Богданова). Но проявлена сосредоточенность критиков на этнопсихологии сибиряка. Эту исследовательскую линию довели до кульминационного развития участники коллектива исследователей КГПУ им. В. П. Астафьева во главе с М. И. Шиловой⁵. Представители этого направления фиксировали, что сибиряк, кержак, чалдон, северянин, сельдюк, новосел-самоход и т. п. в произведениях В. П. Астафьева — именованья, заключающие в себе изменяющиеся с течением времени смыслы, далекие от случайности.

Составители обращают внимание на то, что практически параллельно в работах критиков-литературоведов создавался контекстуальный (интертекстуальный) мифологический (мифопоэтический) уровень интерпретации астафьевской прозы. Русский фольклор, мифы и легенды народов Сибири, реминисценции из А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. И. А. Бунина, имена которых критика обнаруживала в статьях, письмах, не только в художественной прозе В. П. Астафьева, давали возможность создавать литературный контекст, говорить о традиции, о ближайшем окружении, единомышленниках и оппонентах. Сегодня именно из этого подхода активно формируется взгляд на Астафьева с позиций литературной регионалистики — концепции «вологодской школы», «сибирской литературы». Особый акцент делается на «сибирской литературе», составившей во второй половине XX века вместе с литературой Русского Севера основу «деревенской прозы».

В разделе, посвященном литературному контексту, литературным связям, мы пытались показать, что литературоведы не без оснований находили в деревенской прозе, в том числе и в прозе В. П. Астафьева, значительное воздействие литературной классики. Одно из уникальных проявлений этого свойства — следование

⁴ Цветова Н. С. Бытийные мотивы в творчестве В. Астафьева. СПб.: СПбГУ, филологический ф-т, 2009.

⁵ Сибирский характер как ценность: Коллективная монография / Науч. ред. М. И. Шилова. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014.

принципу антропоцентризма, определяющего для современного знания о мире и человеческих сообществах, который вытесняется в произведениях В. П. Астафьева традиционным для русского искусства геоцентризмом. Адекватность этого принципа по отношению к произведениям В. П. Астафьева подтверждается и высказанным в романе «Прокляты и убиты» принципиально важным суждением: «Когда-то я подхватил и с энтузиазмом повторял слова Константина Симонова: “Всю правду о войне знает только народ”. Увы, теперь я знаю, что всю правду о войне знает только Бог»⁶.

Хотелось показать, как с течением времени в отношении к Астафьеву актуализируется аналитический подход, формирующийся на основании признания глубинной связи методов литературного творчества с формационной типологией культуры. Астафьеведы довольно убедительны при аргументации тезиса о том, что «социалистический реализм» в соответствии с формационным подходом имеет своей целью утверждение «социалистического идеала». При этом «Последний поклон», другие произведения В. П. Астафьева остро обличают изъяны социалистического переустройства Сибири, что было отмечено уже на первом этапе презентации этого текста. Более того, сразу же фиксировалось, что «Царь-рыба» изображает последствия этого переустройства не только в Сибири, но во всей России. «Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас», — настаивал писатель без отсылок к какой-либо «формации». В комментариях к «Царь-рыбе» сам прозаик обобщал: «Пусть придут другие радетели слова и отразят “деяния” свои и наши, постигнут смысл трагедии человечества, в том числе и поведают о крушении Сибири, покорении ее отнюдь не Ермаком, а гремящим, бездумным прогрессом»⁷. Критика акцентировала внимание на мысли писателя о том, что именно натиск технократической цивилизации в XX веке оказался роковым и губительным для Сибири. Подчеркивала, что уже в 1980-е годы В. П. Астафьев предложил обобщения, относящиеся одновременно и к России, и к Западной Европе. Подтверждение тому — интервью, озаглавленное предельно тенденциозно, «Хомо технократус», в котором В. П. Астафьев заявил: «Повидавши разгром природы на Урале, гибель деревни в Средней России и наблюдая варварское, колониальное отношение к природе, земле и богатствам великой, богатейшей страны под названием Сибирь, с горьким недоумением глядевший в погибшие воды рек Европы — Эльбы, Рейна, Сены, я никакого оптимизма насчет будущего земли высказать не могу,

⁶ Астафьев В. П. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1997. Т. 10. С. 747.

⁷ Там же. Т. 6. С. 430.

хотя и рад бы»⁸. Кто и что (какая формация, какой именно социально-экономический строй?) оказывается мишенью астафьевской мысли? Ответ на этот вопрос для критиков очевиден.

Критики отмечали, что при близком к формационному цивилизационном подходе к В. П. Астафьеву он оказывался среди апологетов «аграрной», традиционной для России цивилизации, в стане противников цивилизации урбанистической, технократической. Именно цивилизационный подход к конфликтам астафьевской прозы закономерно приводит к выводу о том, что у В. П. Астафьева, интерпретированного в этом ключе, окажутся соратники и единомышленники не только в России второй половины XX века, но и в других эпохах и странах: А. И. Куприн, И. А. Бунин, Ч. Т. Айтматов, Э. Хемингуэй, Э. Штритматтер и др.

Обращаем внимание на работы критиков, которые подчеркивали, что В. П. Астафьев не считал Сибирь «варварской», «дикой», «самоедской». Особенно показательным в этом отношении принято считать давнее признание Астафьева: «Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: “Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов <...> отразит и расскажет о их вечной жизни и о труде, которым земля и все на земле держится?” А тут еще и строители “масла в огонь подлили”, явились в Сибирь с ружьями, фотоаппаратами, купленными на “подъемные” деньги. Значит, как они сойдут с поезда, ступят на дикую сибирскую землю, сразу же завалят медведя и сфотографируются, поставив победительно ногу на поверженного зверя»⁹.

Собранный нами материал показывает: даже предвзятым критикам было ясно, что позиция автора повести неоднозначна — Астафьев был далек от восприятия местных рыбаков в качестве дикарей-«самоедов», а потому чушанские «браконьеры» однажды были переименованы в «рыбаков». Чушанские «браконьеры», не говоря уже о представителе «рыбохраны» Черемисине, выигрывают в сравнении с «цивилизованными» представителями «краевого центра». Разрушение цивилизационных сибирских традиций не привлекало Астафьева ни в каком варианте. Это утверждение подавалось критикой как аксиоматичное.

Естественно, мы не могли обойти работы, посвященные жанрово-родовой и жанрово-композиционной принадлежности произведений В. П. Астафьева. Размышления над этой проблемой

⁸ Астафьев В. П. Собр. соч. Т. 12. С. 290.

⁹ Там же. Т. 5. С. 378.

позволяли ответить на вопрос о включенности астафьевских текстов в поле притяжения публицистики, даже журналистики, об органичности для автора романа «Тают снега», повести «Перевал» сюжетных схем «производственного романа» и «производственной повести», хотя эти вопросы кажутся современным историкам литературы едва ли не кощунственными.

Не могли мы оставить без внимания статью И. О. Шайтанова, посвященную «затесям», стилистике, речевой форме жанра, ассоциирующегося чаще всего в «лирической прозе».

В целом жанрово-родовой уровень интерпретации астафьевских текстов представлен работами, авторы которых учитывают совмещение комического и сатирического начал. Является ли комическое особенностью пафоса произведений Астафьева различной жанровой принадлежности? Этот вопрос был актуализирован литературной критикой, хотя и было признано, что комические, сатирические приемы, используемые Астафьевым, не столь радикально воздействуют на жанрово-родовую принадлежность произведений, например не являются основанием для того, чтобы выводить его «Печальный детектив», повесть «Веселый солдат» за пределы эпоса. Но предельная активность комических и близких к ним приемов в прозе писателя отмечалась: гротесковость и карикатурность образов Дамки и «рыбака Грохотало» в одноименных главах «Царь-рыбы»; влияние анекдотичности на тональность «Звездопада», сопряжение эротических аллюзий с намеками на социально-политические тенденции времени и т. п. Все это часто становилось поводом для уничтожающей критики. Так, А. Г. Байбородин возмущался «косыми, исподлобными, поздними взглядами В. Астафьева на русский народ и русскую историю», сравнивал его с «русофобствующим германофилом Тургеневым»¹⁰. Ю. М. Павлов писал об «авторском антихристианском отношении к человеку» позднего В. П. Астафьева¹¹. Мы включили в антологию только одну из названных работ, потому что в данном случае допускается типологически сходное забвение очевидного: ирония и сарказм писателя соотносятся в значительной мере со свойственной ему склонностью к горячему отрицанию неправды, лжи, застывших догматических подходов к изображению жизни. Эта тенденция

¹⁰ Байбородин А. Г. Поле брани Виктора Астафьева // День литературы, URL: <https://denliteraturi.ru/article/2734> (дата обращения: 06.02.2023).

¹¹ Павлов Ю. М. «Поздний» Виктор Астафьев: темные и светлые знаки судьбы // VI Селезневские чтения. Актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 23 ноября 2019 г. / Отв. ред.: Касьянов В. В., Павлов Ю. М. Краснодар: КубГУ, 2020. С. 146–155.

в критике нарастала, видоизменялась, варьировалась. Даже название иницированных Астафьевым в 1996 году в родной Овсянке «Литературных встреч в русской провинции» некоторыми критиками трактовались с опорой на конфликтное толкование идеологически (мы имеем в виду художественную идеологию) важного для всех «деревенщиков» понятия «провинция». Только с течением времени стало ясно, что возникновение этого события обозначало изменения в самоощущении писателя, в осознании им актуальности культуртрегерской миссии.

В особый раздел вошли публикации, посвященные, по сути, околотитулярной «двухсерийной» полемике, которая была представлена в 1990 году в журнале «Даугава». Триггер — появление в мае 1986 года в журнале «Наш современник» рассказа Астафьева «Ловля пескарей в Грузии» (1984; опубликован в 1986; полный вариант — 1997)¹² и последовавшей за этой публикацией переписки В. П. Астафьева и Н. Я. Эйдельмана (1930–1989) — писателя, историка русской культуры конца XVIII — начала XIX века. Сначала письма Н. Я. Эйдельмана и В. П. Астафьева появились в самиздате, а потом в журнале «Даугава», познакомившем своих читателей не только со скандальным эпистолярием, но и с реакцией Ю. А. Карабчиевского на этически недопустимое обнародование личных писем, с ответным интервью В. П. Астафьева, статьей Д. С. Самойлова. Мы известный блок историко-литературных материалов дополнили сегодняшней интерпретацией случившегося, предложенной О. А. Нехаевым, и, на наш взгляд, безупречной по сюжету статьей Л. А. Аннинского. Из известных публикаций, презентующих эту дискуссию, в антологии не оказалось, во-первых, фрагментов из книжки грузинского комедиографа и публициста К. М. Буачидзе¹³, при создании которой, на наш взгляд, были на-

¹² Уже в постсоветские годы Астафьев опубликовал в 15-томном собрании сочинений полный вариант рассказа, без сокращений, с авторским предисловием, послесловием и комментарием, в котором он не отказался от своих ксенофобских высказываний и попытался найти им дополнительное обоснование. В разборе скандала, последовавшего за публикацией рассказа в 1986 г., Астафьев еще раз коснулся переписки с Эйдельманом и высказал нелестные слова в адрес своих бывших товарищей по редакции журнала «Наш современник» (см.: *Астафьев В. Ловля пескарей в Грузии: Рассказ без сокращений и с послесловием // Астафьев В. Собр. соч.: в 15 т. Красноярск: Офсет, 1998. Т. 13. С. 245–336; 731*). В связи с перепиской Астафьева с Эйдельманом Ермолин писал о «весьма некомплементарны <х> суждения <х> <Астафьева> о грузинах и евреях» (см.: *Ермолин Е. А. Астафьев. С. 34*).

¹³ *Буачидзе К. Такое длинное, длинное письмо Виктору Астафьеву и другие послания с картинками в черно-белом цвете. Тбилиси: Ганатлибо, 1989.*

рушены ключевые риторические правила: стремление к объективности, недопустимость в научно-публицистическом дискурсе очевидных проявлений агрессии. Приведем только один, но типичный, по нашему разумению, пример. В этом фрагменте К. М. Буачидзе комментирует текст рассказа «Ловля пескарей в Грузии»:

«При чтении “Ловля пескарей” прежде всего создается такое впечатление, будто бы английский вице-губернатор после некоторого отсутствия прибыл... Я не скажу, что в колонию, нет, в доминион, в какой-нибудь индийский штат, скажем, в Раджестан и... Нахмутив брови, остается всем недовольным, в особенности тем, что эти туземцы-индийцы по-прежнему плохо, крайне плохо говорят на его родном языке — на языке метрополии!..

<...> Никита Сергеевич Хрущев, собиравшийся реформировать, в смысле упрощения, раз он легко не давался студентам-африканцам (“Почему “все-таки” пишется с дефисом, а “все же” нет?” “Почему советские машины, например: “Волга”, “Жигули”, “Нива” пишутся с заглавной буквой, а несоветские, к примеру, “мерседес”, “рено”, “фиат” со строчной?” — великий, могучий, правдивый и свободный русский язык, и он, как и во многих других начинаниях, и в этом деле, безусловно, преуспел бы, если б не угрожающие львиные прыжки со стороны известных лингвистов-языковедов и выдающихся русских писателей: Леонида Леонова, Мариэтты Шагинян, воскликнувших: “Нет, мы не будем есть таких огурцев!”

И вот, оказывается, Ваш сокурсник, да еще по ЛИТинституту, грузин и по национальности, и по невежеству, и после этой неудавшейся реформы по-прежнему ест хрущевских “огурцев”, и это Вас до глубины души возмущает, и меня, вовсе не русского, тоже возмущает, но только не до глубины души <...>.

(Невольно вспоминается — это уже из московского региона изящной словесности! — когда в редакции одного литературного журнала спросили надоедливого, явно бездарного, молодого пиита, почему же он все-таки избрал поэзию, а не, скажем, музыку, он ответил: “О, с музыкой одна морока!.. Надо купить пианино, изучать и разбирать ноты, каждый день упражняться, пока пальцы не онемеют... А здесь... вот тебе лист бумаги и стержень с пастой стоимостью в 8 копеек!”)

Между прочим, в нашем Союзе, разумеется, не только одни грузины, — и абхазцы, и осетины, и армяне, и курды, а кое-кто, кажется, и без определенной национальности!

Да, наш братский Союз давно обогнал все страны мира и, вероятно, и другие союзные республики количеством и пишущих, и не пишущих литераторов на душу населения: так, например, на почти 60 миллионов итальянцев приходится 400 писательских единиц, а миллиардный Китай насчитывает всего-навсего две тысячи *настоящих* писателей!

...Из всего творчества “Отара”, к сожалению, я не знаком с его прозой, видел в театре всего две его пьесы, но, говорят, писатель он вообще хороший <...>.

<...> ...Опозорить его на всю страну, подать его чуть ли не как полудикаря, это с Вашей стороны, думается, довольно бестактно... Кстати, если

исходить из одной русской же поговорки — «Каков хозяин, таков и гость», это и на Вас бросает, по-моему, не совсем лучезарную тень.

Когда читаешь «Пескарей», поневоле создается такое впечатление, будто Вы любуетесь, даже радуетесь тому, что вот, смотрите, как грузины страшно, по-зверски говорят по-русски, а это явно говорит об их второсортности в семье советских народов...

<...>

И зачем это Вам нужно, Виктор Петрович?

Да, где надо сказать «был», мы можем сказать «бил», но не «пыл», как Вы пишете, а вместо «буду» никоим образом не скажем мы «пуду», просто хотя бы потому, что для произнесения «буду» нам никаких усилий со стороны голосовых связок не требуется, а «пуду» требует все же их напряжения...

Чтобы унижить нас, низвести нас намного ниже даже африканского попугая, в Вашем рассказе Вы никого не щадите <...>».

Такого рода материалы быстро переходят в разряд мифологических, тем более что, по утверждению автора, его книга была быстро изъята из библиотек, а тираж исчез. Хотя в век интернета какие уж могут быть историко-литературные сокрытия!

Видимо, для кого-то могла бы оказаться полезной «астафьевская» глава и из нашумевшей книжки М. Д. Шраера, попытавшегося вдохнуть жизнь в старые мехи. Правда, если предполагаемому читателю не помешает эмоциональность автора, презентованная в оценочных суждениях такого типа: «Ответ Астафьева воспринимается как неструктурированный и местами бесконтрольный поток речи, произнесенный в припадке ненависти к Чужому. Цитировать лишь отдельные пассажи — значит снизить то чудовищное впечатление, которое производит весь текст Астафьева»¹⁴. Наверное, нынче и так можно, но легитимно ли это возмущение как оценочное по отношению к записи устного высказывания? В публицистическом выступлении М. Д. Шраера есть интересные детали, но их аналитическая ценность снижается использованием арифметических инструментов с целью доказательства «нутряного антисемитизма» писателя (название астафьевской главки — «Виктор Астафьев. Нутряной антисемит вопреки самому себе»), результатов скрупулезного подсчета «неприятных образов русских евреев и евреек» в ранних произведениях. За пределы литературоведческого дискурса эту публикацию выводит и прокурорский пафос автора, и очевидное его намерение использовать не только и не столько слово писателя, но и «умолчания». Хотя, бесспорно, работа современная — по речевой форме (только один, хотя не единственный пример — «точка зрения на христианско-еврейские отношения проходит красной

¹⁴ Шраер М. Д. Антисемитизм и упадок русской деревенской прозы. Астафьев, Белов, Распутин. СПб.: БиблиоРоссика, 2020.

нитью»!), и, как говорят современные речеведы, по проблемно-тематическим актуализаторам (разве не привлечет читательское внимание упоминание о «двуполом осетре»?)... Но мы старались минимизировать сугубо публицистические высказывания.

Есть и иные причины, по которым предлагаемое собрание нельзя считать исчерпывающим. Во-первых, мы останавливались на тех публикациях, в которых представлены основные интерпретационные подходы к ключевым «деревенским» произведениям, потому что «военные» тексты Астафьева требуют особого разговора, особого подхода, который именно сегодня нуждается в беспорном обновлении. Хотя не менее бесспорно внутреннее, онтологическое единство писательского бытия, о чем бы он ни писал...

Во-вторых, из презентации аналитических работ, к сожалению, почти ушли многочисленные лингвистические и культурологические исследования, посвященные концептосфере астафьевской прозы. В последние годы концептосфера прозы Астафьева привлекает особое внимание исследователей. Самый значительный поток научных публикаций — работы лингвистов, посвященные способам актуализации концептов «смерть», «жизнь», «вода», «путь», «страх», «любовь», «жестокость», «приспособленчество», «самопожертвование», «рыбалка» в разных произведениях В. П. Астафьева: в цикле «Затеси», в романе «Прокляты и убиты», в повести «Так хочется жить» и т. д. Лингвисты, культурологи пишут не только о концептах культуры, но и о концептах эмоциональных, социальных. Большинство исследователей концептосферы выходят на проблему идиостиля писателя или размышляют о созданной им художественной картине мира. Исследование текстовой презентации одного из ключевых концептов направлено в конечном итоге на постижение художественной философии писателя¹⁵.

В-третьих, вне антологии, по целому ряду формальных, отнюдь не содержательных, причин оказалась глава из монографии американской исследовательницы К. Партэ, которая могла бы украсить последний раздел нашего издания, посвященный литературным связям Астафьева. К. Партэ соотносит «Печальный детектив» Астафьева с «Деревенским детективом» еще одного писателя-сибиряка В. В. Липатова: «В. Астафьев, подобно В. Липатову, выбрал форму детектива, чтобы заинтересовать массового читателя классических детективов. <...> Такова судьба детектива на Руси — быть этаким подспорьем в большой литературе, для заманивания

¹⁵ Цветова Н. С. Динамика художественного концепта «звезда» в прозе В. Астафьева // Филологический класс. 2024. № 2. С. 27–36.

одних читателей, для отвода глаз другим. Но Виктор Астафьев не собирается ни заманивать, ни завлекать, ни развлекать»¹⁶.

Одной из первых К. Партэ обратила внимание на то, что герой Астафьева «подражает Ф. Достоевскому, который, как ему кажется, добрался в своем творчестве до того места в человеке, где таится “самопожирающий зверь”¹⁷. Первая книга Сошнина была сборником рассказов о службе в милиции. Но он, как и его кумир Ф. Достоевский, хочет преодолеть тематику преступности, он хочет дойти до чего-то более глубокого. Он говорит своему издателю, гротескно прорисованной Октябрине Перфильевне, что его тема — человеческая. И здесь устами Сошнина явно говорит В. Астафьев, обращаясь к тем читателям и критикам, которые могли бы прочесть это произведение как сугубо тематическое, не затрагивающее “злободневных” вопросов, вечно занимавших русских писателей.

Сошнин хочет понять русскую душу, и не только ту ее часть, которая творит зло, но и ту, которая с легкостью прощает обидчика»¹⁸.

К. Партэ подчеркивает еще один важный, как нам кажется, нюанс, который имеет отношение к бесконечным спорам в связи с условностью включения литературного наследия в «деревенскую» или «военную» прозу.

«Хотя Сошнин — городской житель во втором поколении, он тесно связан с деревней и через свою родню, и через семью жены Леры. Во время посещения ее родителей мы видим сцены упадка деревенской жизни, знакомые по деревенской прозе: заброшенные дома и деревни, старух, доживающих свой век, отсутствие молодежи. В. Астафьев любовно описывает коренных жителей — крестьян: тетю Лину, Маркела Тихоновича, дядю Пашу, сопоставляя их с крестьянами, ставшими бюрократами, и крестьянами, ставшими преступниками. Он также противопоставляет истинную народную культуру декоративным образцам народных про-

¹⁶ Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / Пер. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кириловой. Томск: изд-во Томского гос. ун-та, 2004. С. 132.

¹⁷ Астафьев В. Печальный детектив. С. 27. Просматриваются явные ссылки на «Преступление и наказание», «Бесов», «Братьев Карамазовых» и другие произведения Достоевского. В страшном, ироническом анекдоте рассказывается о супружеской паре, которая бросила своего ребенка одного в доме, чтобы спокойно почитать в областной библиотеке им. Ф. М. Достоевского (*Золотуский И.* Отчет о пути). Использование Достоевского как эстетической, идеологической и риторической модели — самой по себе или связанной с такими фигурами, как Аввакум, Гоголь и Солженицын, стало особенно важным в литературе и критике начиная с 1986 г. В свете этого новое исследование Карякиным Достоевского также может быть интересно читателям современной русской литературы: Карякин Ю. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989.

¹⁸ Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. С. 132–133.

мыслов в квартирах городских псевдоинтеллектуалов. Сошнин всю жизнь прожил на самой окраине городка в старом деревянном доме, оставленном по ошибке, который, как *изба* в деревенской прозе, олицетворяет для него «убежище и память детства»¹⁹.

Деревенский «дух» «Печального детектива» усиливается двумя эпизодами к финалу произведения. Первый — это похороны бабки Тутишихи — старушки, жившей на первом этаже в доме Сошнина. Сцены смерти и похорон старух используются в деревенской прозе, чтобы усилить ощущение потери: когда умирают эти женщины, они уносят с собой не только знание о том, как надо жить, но также и силу характера, которой, кажется, уже нет у молодых. О тех, кто остается жить, судят в этих произведениях по тому, как они относятся к умирающим и как чтят память умерших. Писатель рассказывает, как на кладбище жгут мусор, как пьяные родственники забывают похоронить своего умершего, как следователь Пестерев вместо того, чтобы поехать в деревню на похороны собственной матери, просто посылает деньги. В противоположность ему Сошнин идет проводить в последний путь свою старенькую соседку.

Хотя бабка Тутишиха вряд ли типичный персонаж деревенской прозы, ее похороны — повод для Сошнина побывать на кладбище, которое сейчас покрыто снегом. Там он думает о своих умерших родственниках, о земле, которая дала им жизнь и приняла их обратно после смерти, о смене поколений. На могилах матери и тети Лины он снимает шапку и кланяется до земли, чувствуя физическую боль, смешанную с душевным облегчением. На выходе с кладбища он встречает жену, отдалившуюся от него, и дочь, которые под предлогом посещения *поминок* возвращают его домой. Почтение памяти умерших спасло его семью»²⁰.

Элементы сюжета, на которые обращает внимание К. Партэ, можно считать основанием для разговора о «городских» смыслах «Печального детектива».

На заключительном этапе работы над антологией появился раздел, который мы озаглавили «Вместо послесловия». В этом разделе представлены перспективы современного разговора об Астафьеве, в первую очередь аналитическое прочтение его поздних романов о Великой Отечественной войне. Но принципиальным считаем вынесенное в сильную позицию конца огромного текста об Астафьеве эссе В. Я. Курбатова.

Последнее замечание. Сегодня интерес к личной и литературной биографии писателя реализуется не столько в литературно-критической, сколько скорее в пиар-плоскости. Причем объект пиар-продвижения не всегда можно определить с достаточной точностью. Так, А. П. Статейнов в своей повести «Несчастливая профессия» совершает не вполне удачную попытку анализа «политических взглядов» В. П. Астафьева: «Озлобленность обесценивала талант

¹⁹ Астафьев В. Печальный детектив. С. 26.

²⁰ Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. С. 133–134.

Петровича»²¹. Как известно, подобные «бытовые» оценки, перетекающие в обобщающие характеристики, сопровождали и других известных художников. Достаточно вспомнить педалирование пристрастия к алкоголю, акцентирование «классовой чуждости» С. А. Есенина, звучавшее и в стихах В. В. Маяковского, и в бухаринских «Злых заметках».

Бытовой уровень очень часто претендует возвыситься до уровня мировоззренческого, связанного с политической злободневностью. Так, в последние годы получили известность и работы, чья цель — политическая и всякая иная компрометация В. П. Астафьева. Отсутствие корректности при интерпретации, наверное, можно объяснить не столько политической злободневностью поднятых критиками вопросов, сколько вызывающими суждениями по этим вопросам с использованием популярного литературного материала, авторитетного имени классика.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть постоянное обновление астафьевского дискурса, свидетельствующее о востребованности творчества выдающегося прозаика и публициста. Дискурс доказывает: любая литературная эпоха, высокая или пошлая, однажды завершается. Да, сегодня критики-традиционалисты, в той или иной мере руководствовавшиеся канонами, совершившие открытие Астафьева-прозаика, оказались в полосе забвения. Они были сосредоточены на интерпретации этико-философского, аксиологического содержания его произведений, нацелены на прорыв к глубинным смыслам через интерпретацию деталей, обращались к искушенному читателю, профессионалам. Суть их исследовательского интереса в значительной степени была обусловлена социальным запросом на постижение изменений в национальном ментальном пространстве, совершавшихся цивилизационным сдвигом. Медийный дискурс об Астафьеве вплоть до 1990-х формировался при доминирующем участии специализированных СМИ. «Литературная газета», «Литературная Россия», «Книжное обозрение», «Культура» и практически все «толстые» советские журналы использовали для презентации имени писателя два жанровых формата — литературно-критическая статья и круглый стол («Вопросы литературы»). Из нынешнего траектория продвижения включала, наверное, только техники анонсирования (см. публикации в еженедельнике «Книжное обозрение»).

К кому обращается новое поколение астафьевских интерпретаторов? К профанному читателю, который не всегда может провести

²¹ Статейнов А. «Несчастливая профессия» // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2021/01/14/276> (дата обращения: 25.07.2024).

даже простые аналитические операции, настроен на сенсацию, заинтересован в крайних оценках и суждениях? В чем заключается коммуникативная установка современного критика, оккупирующего в первую очередь новые медиа? В воспитании литературного вкуса, как настаивал Пушкин? Скорее всего, в значительной степени в достижении собственных интересов, которые могут быть связаны с установкой на самопродвижение, при реализации которой вполне допустимо паразитирование на темах и проблемах, которые вызывают интерес в силу их конфликтности.

Художественный мир большого художника неисчерпаем, как вселенная, попыткой постижения которой и является его творчество. В. Астафьев оставил значительное наследие, исследовать и осваивать которое необходимо с самых разных позиций, на самых различных уровнях. Но метод и уровень исследований, как известно, должны быть адекватны исследуемому материалу. И после завершения нового «критико-биографического» этапа, демонстрирующего очевидную деградацию «информационно-оценочных» текстов (термин В. Н. Крылова) в значительной степени вследствие игнорирования канонических критериев, наверное, удержание интереса к творчеству Астафьева может быть связано в первую очередь с литературной регионалистикой. Интересно, на первом этапе критика работала на Астафьева, сегодня Астафьев используется критиками, завтра — время использования имени писателя в структуре имиджа территорий, а послезавтра — в интересах человека, в заботах о «запущенной душе» которого жил и работал замечательный художник. Хочется надеяться, что именно так будет выглядеть динамика траектории продвижения имени писателя, на формирование которой сегодня влияют законы уже не столько литературной, сколько пиар-коммуникации. Но пока этот самый сложный комплекс проблем для тех, кто видит свое призвание в сохранении читательского интереса к литературному наследию писателя, в ожидании открытия.

